

нём вспомнили, после того как в середине 30-х годов по стране прокатилась волна антисемитских погромов. Сотрудничество в рамках борьбы с антисемитизмом сводились к:

- Совместным силовым акциям бундовских отрядов самообороны Ordener-Grups и Tsukunft-Shturem с милицией ППС, особенно с её военизированным формированием Аксја Socjalistyczna (Социалистическое Действие).
- защите еврейских студентов от преследования в университетах.
- Совместные публикации, направленные против антисемитизма. И Бунд и ППС издали множество брошюр по этому поводу, причём некоторые из них при совместном субсидировании.

Данная тенденция, однако, не позволяет говорить о том, что в среде польского пролетариата произошли какие-либо серьёзные изменения в отношении евреев и антисемитизма. Следует процитировать главу польских профсоюзов, который в ответ на требования еврейской части руководства профсоюза подтолкнуть польских рабочих к участию в акциях, направленных на борьбу с антисемитизмом, ответил: «Ситуация не созрела достаточно для общего действия, потому что часть польского рабочего класса стоит на националистических позициях». [19] Это иллюстрирует крепость антисемитских стереотипов, сложившихся в рабочей среде и даже в среде псовской интеллигенции. Можно предположить, что сотрудничество ППС с Бундом в борьбе против антисемитизма было вызвано, скорее всего, мотивами партийной конкуренции с самой массовой польской партией - эндэками, которые проповедовали воинствующий антисемитизм.

Во-вторых, совместное празднование дня Первого мая. Редкие в 20-ых и начале 30-ых годов, после 1936 года объединенные демонстрации стали гораздо более частыми. В некоторых случаях они запрещались властями. Демонстрации обычно завершались общественными встречами, организованными Бундом, ППС и профсоюзами. В-третьих, выборы в муниципалитеты. В 1936, а особенно в 1937 и 1938 годах, эти две партии, несмотря на отклонение ППС предложения Бунда о едином кандидате от двух партий, сотрудничали гораздо более активно, чем когда-либо прежде. В некоторых случаях Бунд в тех регионах, где позиции партии были не столь сильны, как позиции ППС, просил своих сторонников голосовать за кандидатов от ППС. В областях, где ППС уступала польским партиям правого крыла, её лидеры призывали избирателей отдавать свои голоса Бунду. В Варшаве и Лодзи, где эти две партии победили на выборах в 1936 и 1938, муниципальные советы стали главной ареной их сотрудничества.

УДК 329(430.1)

Стрелец М.В.

УЧАСТИЕ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА ФРГ В РАЗРАБОТКЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА ФРГ

Тема, обозначенная в заголовке настоящей статьи, представляется актуальной в свете трансформационных процессов, происходящих в постсоциалистической Восточной Европе. В данном регионе все более притягательной становится германская модель социально-экономического и политического развития. В этой связи за рамки чисто академического интереса выходит вопрос о закладке юридического фундамента германской государственности. Этот процесс включал 2 этапа. На первом этапе были подготовлены и приняты земельные конституции. Содержанием второго этапа явились разработка Основного закона ФРГ и прохождение всех процедур, необходимых для вступления его в силу. На обоих этапах существенную роль играли политические партии. Естественно, главным этапом был второй. Именно на данном

Таким образом, подводя итог, можно говорить о том, что 30-е годы XX века стали периодом, когда две социалистические партии Польши пошли на сближение перед лицом растущей внутренней и внешней угрозы фашизма. Что касается вопросов взаимодействия Бунда и еврейских политических партий, то на основе выше сказанного можно говорить о том, что в вопросах борьбы за улучшение экономического и национально-культурного положения еврейских масс Бунд был готов сотрудничать практически со всеми еврейскими политическими партиями, за исключением ортодоксов, что объясняется непримиримой позицией данных организаций друг к другу. В тоже время в общественно-политических вопросах Бунд на протяжении всего межвоенного периода так и не смог найти себе союзников среди еврейских политических партий. В основе данной ситуации лежат различные взгляды бундовцев и представителей остальных еврейских политических партий на пути и методы решения «еврейского вопроса».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Korsch R. Zydowskie ugrupowania wywrotowe w Polsce. Warszawa, 1925. S. 33.
2. Op. cit. S. 34.
3. Op. cit. S. 36.
4. Bernard K. Johnpoll. The politics of futility. The General Jewish Workers Bund of Poland, 1917 - 1943. Ithaca, New York, 1967. P. 182.
5. Op.cit. P. 183.
6. Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф. 1, оп. 9, д. 764, л. 6
7. Там же, л. 6.
8. Лакер В. История сионизма. М, 2000. С. 593.
9. Korsch R. Zydowskie ugrupowania wywrotowe w Polsce. Warszawa, 1925. S. 36.
10. Op. cit S. 36.
11. ГАБО, ф. 1, оп. 1, д. 42, л. 52.
12. ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. ПО, л. 9.
13. ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 110, л. 9.
14. ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 754, л. 31, 68.
15. Korsch R. Zydowskie ugrupowania wywrotowe w Polsce. Warszawa, 1925. S. 39.
16. Op. cit. S.39.
17. ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 1007, л. 5.
18. Brumberg A. The Bund and Poland socialist party. // The Jews of Poland between two Word Wars. Hanover and London, 1989. P. 81.
19. Op. cit, P. 87.

этапе предстояло решить вопрос о распределении полномочий между землями и федерацией, поставить прочный правовой заслон по пути к возвращению к диктатуре, создать выстроенную в четкую систему юридическую базу для формирования гражданского общества, правового государства, становления социального рыночного хозяйства.

Христианско-социальный союз, который имеет организационные структуры только в Баварии, подходил в первые послевоенные годы к конституционному процессу с учетом следующих факторов.

Во-первых, партия стремилась приобрести максимально благоприятные стартовые позиции для будущего участия в федеральной политике.

Во-вторых, брался в расчет традиционный менталитет баварцев.

В-третьих, у ХСС было специфическое понимание оптимальной модели общественного развития, отраженное в его программных установках.

В-четвертых, свобода маневра участников конституционного процесса ограничивалась наличием советской, американской, английской, французской оккупационных зон. Бавария находилась под контролем американской военной администрации.

В-пятых, руководство партии планировало свои действия в контексте внутриварварских политических реалий, расклада сил во всех зонах оккупации, вместе взятых. На выборах в ландтаг Баварии 1946 года ХСС получил 52,3% голосов, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) - 28,6%, Общегерманский блок/Союз изгнанных и обездоленных (ОБ/СИО) - 7,3%, Коммунистическая партия Германии - 6%. На территории данной земли имели организационные структуры Баварская партия (БП), Объединение экономического возрождения (ОЭВ), партия свободных демократов (СвДП). Ряд будущих деятелей ХСС занимал ключевые посты в первом послевоенном Баварском правительстве, руководимом Ф.Шеффером (28 мая - 28 сентября 1945 г.). ХСС имел солидное представительство во втором правительстве, возглавляемом социал-демократом В. Хёгнером. 21 декабря 1946 г. преемником В.Хёгнера на этом посту становится видный деятель ХСС Ханс Эхард. В истории ХСС важным рубежом стал февраль 1947 г., когда была создано «Рабочее общество ХДС/ХСС Германии». Конечно, партию ослабляла борьба группировок. Первая группировка имела в качестве лидеров Ф.Шеффера, А.Хундхаммера, Й.Баумгартнера и А.Шлёгеля, вторая - Й.Мюллера, М.Хорлахера, Х.Креле.

Пожалуй, ни в одной земле Федеративной республики идея государственной самостоятельности не пустила такие корни, как в Баварии. Ни одно земельное правительство не могло здесь допустить сомнения в том, что могло себе представить будущее Германии в сильных федералистских рамках.

При этом ответственной стороной едва ли ставился вопрос о далеко идущей принадлежности к общенемецкому государству, как это, например, также констатировал премьер-министр Шеффер уже в начале июня 1946 г. по отношению к военной администрации.

Впрочем, соперничавшим с Баварской партией представителям ХСС не оставалось ничего иного, кроме как сильнее разыгрывать «бело-голубую партию», причем это давалось для склонявшихся к крылу Шеффера/Хундхаммера членов партии не без внутреннего сопротивления. Все же с самого начала обещающей успех была следующая линия - используя вес Баварии, стремиться к федеративному государству (тем более, что американцы дали отпор суверенному баварскому государству). Мотором этой линии, без сомнения, был премьер-министр Эхард, который постоянно пытался оставлять для себя и коллег по учреждению концепт действий. При этом союзные конференции в Москве (10.3-24.4.1947 г.) и Лондоне (25.11-15.12.1947 г.) показали, что до нового взаимоприемлемого государственно-правового порядка Германии было еще слишком далеко. Реформа бизональной организации означала, что объединенная экономическая область стала предшественницей позднее вызванного к жизни западного германского государства. Помощь этой части Германии по плану Маршалла, еще сильнее интегрировала ее в западную экономическую систему. Американцы и французы настаивали при этом на федеральном построении послевоенной Германии. При учреждении Бизонии было очевидно, что Бавария, сильно представленная премьер-министром, ни в коей мере не желала, чтобы представлять это как предварительное решение при построении будущей Германии.

Так, Эхард постоянно оспаривал административные и законодательные полномочия бизональных ведомств по отношению к землям. После того, как по вине СДПГ провалился Совет премьер-министров, как координационный орган для бизональных учреждений, для премьер-министра стало важно, чтобы главы правительств по крайней мере решили учредить во Франкфурте «Посуправления по подготовке мирных переговоров». [ACSP, DS22/47]. Особое значение имело то, что партиям было дозволено иметь при этом скромные функции, они должны были лишь принимать к сведению результаты проделанной здесь работы.

Хотя союзники не дали согласия на этот проект, по крайней мере для американской зоны сформировалось «Германское бюро по мирным вопросам», которое правда, было учреждено не по желанию Эхарда в Мюнхене, а в Рунте около Штутгарта. Относительно этого учреждения можно было четко предсказать, что действующие здесь представители лишь во вторую очередь выступали как партийные политики; решающими были соответствующие земельные правительства. Как только Эхарду стало ясно, что собственные федералистские представления для будущей Конституции в желаемом им объеме не смогут проводиться, земельное правительство начало подключать отстраняемые им до сих пор партийные органы и стало наращивать усилия по «конституционному фронту» внутри ХДС и ХСС [ACSP, DS 19/42]. Естественно, в партиях также имелись представления о конституционной политике и выкристаллизовались две основные позиции, которые в конечном итоге были представлены на уровне партийной политики. «Директивы по строительству германской республики», принятые социал-демократами на съезде в Нюрнберге в июле 1947 года, решительно предусматривали централистки структурированное государство; проект «Рабочего сообщества ХДС/ХСС Германии» следовал умеренной федералистской концепции.

Особое место занимал так называемый «Эльвангенский кружок» южнонемецких федералистов, который по инициативе Антона Пфайфера, заместителя премьер-министра Гессепа Гильперта и государственного секретаря в юртенбергско - баденском государственном министерстве Геллера возник на встрече 1-2 марта 1947 года в Шененберге под Эльвангеном. Ряд влиятельных политиков ХСС присутствовал здесь на различных встречах, чтобы дискутировать в областях культуры, экономики, а также по вопросам федералистского формирования Германии. Все-таки примечательно, что председатель партии ХСС Йозеф Мюллер не получал для этого приглашения (ACSP, DS 29/49).

Вообще официальная реакция на встречи в Эльвангене сформировалась весьма негативная, так как согласованная между участниками этого «дружеского кружка» конспиративность позволяла общественности опасаться самого худшего для конституционных предложений. Предположения о «дунайской федерации» или «альпийском союзе» обрастали разными версиями и показывали, как глубоко проникло в Северной и Северо - Западной Германии недоверие по отношению к южнонемецкому партикуляризму. О том, насколько тайными были первые заседания, свидетельствует незнание американской администрацией о событиях в Эльвангене, которые обратили на себя внимание лишь в начале декабря 1947 года и потом в беседе с Пфайфером от 9 декабря было признано, что он сначала хотел, чтобы проекты конституции были тайной и собственной партии [ACSP, DS 29/50]. Все же, наконец, они были переданы «Рабочему сообществу ХДС/ХСС Германии», как основа для дискуссии и тем самым был признан более важным партийно-политический кружок. Принципы германской федеральной конституции, еще раз переработанные на дополнительных встречах 9-10 декабря 1947 года и 22-23 марта 1948 года в Байзайне Антоном Пфайфером, Карлом Швендом, Францем Йозефом Штраусом

и специалистом по государственному праву профессором Хансом Навяски в Баварской государственной канцелярии, имели сильно выраженный федералистский характер. Покровительствуемый Эхардом Совет премьер-министров не получил движения, и все же баварским желаниям был дан широкий простор. Были одобрены следующие идеи ХСС. Бундестаг должен функционировать в качестве «помощника» более значимого бундесрата. Для формирования последнего делегируются на постоянной основе по два представителя от всех земельных правительств. Оба органа должны были одобрять принятие законов. Сверх этого, должен был лишь бундесрат избирать федерального президента и потом с одобрения палаты земель назначать правительство; но оно нуждалось при вступлении к исполнению функций в доверии бундестага (ACSP, DS 24/56).

В то время как этот проект нашел значительное одобрение в рядах ХСС, и это также отчетливо проявилось в конституционном комитете «Рабочего сообщества ХДС/ХСС», в этом органе были еще лишь представители французской зоны, которые поддерживали Эльвангенскую модель. Этой модели был противопоставлен разработанный в апреле 1947 г. Рабочим сообществом «Хепенаймский проект Конституции», в котором был существенно смягчен федеративный элемент. Сейчас также было очевидно, что влияние Баварии - и вместе с тем представителей ХСС - в этом органе не было ни в коем случае доминирующим. Это стоит в естественном отношении к в целом незначительному интересу большей части членов ХСС к конституционным вопросам и обзор конфиденциальных докладов американских административных инстанций подтверждает это впечатление [ACSP, DS 27/83].

Для рейтинга ХСС, хотя бы даже только для определенной группы ведущих политиков имело особое значение, что Ханс Эхард выступал беспорным мотором принципиальной федералистской позиции в процессе дискуссии о конституции. Вместе с тем благодаря его усилиям, также его весу в его собственной партии и благодаря его неоспоримому авторитету был внесен существенный вклад в консолидацию ХСС. При этом особое значение имело то, что он уже через полгода после вступления в должность 6-8 июня 1947 г. впервые, но также в последний раз пригласил конференцию всех премьер-министров земель Германии в Мюнхен. Хотя вследствие досрочного отъезда восточногерманских участников эта встреча в конечном итоге провалилась, Эхард впечатляюще заявил о претензии премьер-министров на единоличное представительство совокупной Германии.

Все-таки уже вследствие этой конференции стало очевидно, что для определения будущего Германии возрастающую роль будут играть партии и с образованием Экономического Совета Бизонии они завоевали для себя решающий орган. Здесь развился также в ХСС неминуемый конфликт интересов между представителями земельного правительства и представителями партии в отдельных органах. Книга «Федерализм и собственная государственность» пишет о крестовом походе против Бизонии, но который ни в коем случае не велся всей партией ХСС [6, 33]. С проведенным в апреле 1948 г. включением всех трех западных зон в «European Recovery Program» (ERP-план Маршалла) и блокадой Берлина Советами потом усилилась связь с Западом. Точно также решающее значение имела проведенная 20 июня 1948 г. денежная реформа, которая в кратчайшие сроки ускорила экономическую консолидацию в трех западных зонах и впервые сделала наполненным смыслом введение ERP-средств. Развита отсюда, пропагандируемое Людвигом Эрхардом «социальное рыночное хозяйство» было быстро принято ХСС как экономическая программа и выразительно было представлено в избирательной компании по выборам в бундестаг 1949 г.

По мере того, как все больше обозначалось создание германского западного государства, союзники при его создании

прежде всего еще один раз поставили на премьер-министров. Они были теми, которых на базе «Лондонских рекомендаций» 1 июля 1948 г. так называемые «франкфуртские документы» сохраняли с требованием об учреждении западногерманского федеративного государства [ACSP, DS 28/83].

В целом, хотя по своей широте реакция премьер-министров была сдержанной - документы были в конечном итоге составлены как приказ и раскол Германии казался вместе с тем закрепленным-оценка в баварском земельном правительстве получилась положительной. Уже на заседании федералистов в Регенсбурге (31.3-4.4. 1948 г.) Эхард указал на то, что международная ситуация потребовала основания «западногерманской частичной федерации», чтобы не отдаваться произволу по представлениям Москвы [ACSP, DS 18/99]. Эхард в противоположность своих коллег настаивал на встрече в Риттерштурце под Кобленцем в июле 1948 г. на хорошо поставленной и обширной разработке конституции.

Союзниками, наконец, был дан ответ, в котором среди прочего как выражение для временной конституции требовалось название «Основной закон» и для национального собрания «Парламентский совет»

«Против» снова был Эхард, который в ответ на острую реакцию военного губернатора при последней встрече в охотничьем замке Нидервальд под Рюдесхаймом выступил за то, чтобы не отходить от решений Риттерштурца. Когда проведенное после этого обсуждение с оккупационными властями почти угрожало срывом, баварский премьер-министр смог посредством личного выступления избежать скандала. 1 сентября 1948 г. должен был собраться «Парламентский совет», чтобы разработать конституцию» [ACSP, DS 17/98].

То, что за день до этого главы правительств уже основали конституционный комитет, который потом заседал на Херрекхимзее, точно так же стало возможным благодаря инициативе Эхарда. На 14-дневных заседаниях специальный экспертный комитет разработал доклад, который был направлен как основа обсуждения в Парламентский совет. Все же чреватым последствием было указание, что заседающие там депутаты не должны быть с ним определенно связаны; вместе с тем конституционная инициатива опять окончательно перешла к партиям [ACSP, DS 33/77].

С конституированием Парламентского совета 1 сентября 1948 г. вступило в последнюю и решающую фазу обсуждение конституции западногерманского федеративного государства. Из 65 депутатов Бавария послала 13. В соответствии с долей голосов в ландтаге мандаты распределились таким образом: ХСС-8; СДПГ- 4; СвДП-7 [2, 18]. В этой связи произошел жесткий обмен ударами между ХСС и Баварской партией (БП), так как БП, лишь посредством своего председателя Баумгартнера, как безфракционного по максимуму представленная, требовала на основании большого прироста партии точно такого же присутствия в Бонне. Все же председатель фракции ХСС в ландтаге Хундхаммер был готов уступить 2 мандата БП, но его собственная фракция не была с этим согласна (61 голос - против, 13 - за). Одновременно председатель фракции провалился со своей попыткой провести в Бонн своего попавшего в ситуацию притеснения партийного соратника Шеффера; на этот раз он не смог взять верх над партийным руководством [8, 44].

При этом назначении бросалось в глаза, что ведущие деятели ХСС ни в коем случае не проявляли интерес к тому, чтобы ехать на обсуждение конституции на Рейн, так что вместе с членами правительства Антоном Пфайфером и Йозефом Швальбером лишь несколько командированных партийных представителей совершило поездку. За этим с одной стороны стояло стремление гарантировать ведущих членов земельного руководства и правительства от того, что их можно было идентифицировать с мало удовлетворительным итогом, связанным с конституцией [7, 199]. С другой стороны, Франц

Йозеф Штраус сообщает в своих «Воспоминаниях» интересный факт: были убеждены в короткой жизни «временного Основного Закона» и порой видели в истинном смысле слова «стоящий под вещами». Штраус это так выражал: «Мы, члены Экономического совета, смотрели несколько свысока на тех, кто разрабатывал конституцию в Парламентском совете. Мы ощущали себя, во-первых, первопроходцами и, во-вторых, людьми, делавшими более полезную работу. Мы знали, что экономика – это наша судьба и что решения будут приниматься на этом уровне, а не в ходе дебатов конституционных правоведов вокруг формулировок параграфов. Это мысли порождали нужда и нищета того времени, в преодолении которых вносили свой вклад, принимая исторически перспективные решения, как, например, о социальном рыночном хозяйстве. Сегодня на это смотрят иначе: франкфуртский Экономический совет практически забыт» [11, 109-110]. При этом делегаты ХСС ожесточенно пытались выразить в указанном органе пожелания Баварии и это нередко вопреки мнению сотрудничавших с ним в рамках фракционного сообщества делегатов от ХДС.

При делении постов в Парламентском совете и образовании его отдельных органов было также очевидно, что ХСС имел плохие карты. Так, хотя Антон Пфайфер был избран в конечном счете на незначительную должность председателя фракции ХДС/ХСС, все же ХСС не был представлен в важном «пятом комитете» и в более позднем «седьмом комитете» [3, 92]. Общая дискуссия на пленарном заседании Парламентского совета потом 21 октября показала, что до наделения проектируемого бундесрата сильными полномочиями было далеко.

К разочарованию у баварского правительства пришло осознание того, что официально слабая позиция Баварии и ХСС усиливалась дополнительным взрывным материалом – внутриваварской конкуренцией со стороны Баварской партии и внутривнутрипартийной – в форме крыла Шеффера/Хундхаммера [8, 113]. Как тесно конституционный вопрос переплетался со спором в партии в это время, свидетельствует также тактика Шеффера, который видел себя как «интегратора» федералистско-партикулярного фронта и который вполне был готов наряду с изменением отношения к баварской партии поразмыслить о новом основании консервативной партии [3, 108]. Срочно были предложены решительные действия партийного руководства, так как взбунтовавшиеся консервативные политики уже начали вступать в контакт друг с другом, невзирая на партийные границы, чтобы в народном движении провалить Боннские решения. Как серьезно баварское земельное правительство оценивало положение в Бонне, видно из того, что Бавария оказалась единственной землей, пославшей двух официальных представителей на переговоры по конституции. Дополнительно в Бонне с сентября 1948 г. работала «Служба баварской государственной канцелярии», которую Мюнхен держал как место актуальных обсуждений и которая поддерживала баварских представителей в их работе. Эхард дополнительно учувствовал в шести обсуждениях в Бонне. Упорно дискутируемой было при этом особенно учреждение Палаты земель, на которую, по Эхарду, надо было как можно сильнее ориентироваться в Конституции Северогерманского союза [5, 194].

26 октября 1948 г. состоялась та, ставшая знаменитой, беседа между Эхардом и социал-демократом Вальтером Менцелем, на которой, казалось, обозначилось признание желаемой Баварией Палаты земель, хотя и с уменьшенными полномочиями. Из сделанных высказываний («не должна разрабатываться конституция против воли Баварии»), отчетливо вытекает, что по политическим соображениям и для стабилизации проектируемой германской республики Бавария была готова к интеграции [6, 100]. Глубоко обеспокоенный сепаратными действиями Эхарда, председатель ХДС Аденауэр принял приглашение прибыть на 8 ноября в Мюнхен и вел здесь пе-

реговоры с земельным правительством и с фракцией ХСС ландтага. То, что он при этом не высказывался в общем против бундесрата с законодательными полномочиями, было для многих федералистов в ХСС важным результатом. Они дополнительно получили неожиданную поддержку от военных губернаторов, которые в меморандуме от 22 ноября выступили за Палату земель с «достаточными полномочиями».

Прорыв внутри фракционного сообщества произошел, когда на заседании «Рабочего сообщества ХДС/ХСС» обозначилось единство насчет того, чтобы бундесрат стоял по отношению к бундестагу как равноправный [2, 152-153]. Напротив, не было достигнуто единства в вопросах управления финансами, а также распределения налогов и управления налогами. Установившийся в этом вопросе к третьему чтению компромисс был отклонен представителями ХСС, и когда в конце февраля настала очередь решения, Эхард разыграл свою последнюю карту: он попросил военную администрацию США о ее воздействии в пользу внесенных Баварией федеральных дополнений. Но союзники уже сами проявляли внимание. 2 марта 1949 г. они прислали заявление из 10 пунктов с почти ультимативными чертами, его важнейшие аспекты касались компетенции федерального правительства, финансового законодательства, органов управления федерацией и территориальной реорганизации [2, 199]. В то время, как ХДС и ХСС были готовы к компромиссу, тем более, что социальные христиане видели ряд своих предложений осуществленными, и с тем нацелилась на одобрение конституции такого рода окончательном варианте, СДПГ категорически отклонила этот вариант. Уже в конце апреля союзники – совсем неожиданно для ХСС – не выдержали напора, и при форсированном рабочем темпе были приведены в значительной степени в жертву баварские желания и представления. Но баварское земельное правительство попало также по возрастающей под политическое давление в собственной земле, так как федералистская оппозиция, во главе которой стояло Баварская партия, настойчиво требовала всенародного опроса.

Еще источники показывают, что отклонение Эхарда и его партийных соратников уже потому выдалось легче, когда они узнали – и это выразил премьер-министр на заседании фракции ХСС в Максилениуме 7 мая, что «наше баварское нет не имеет веса ультиматума». И тогдашний депутат в Экономическом совете Франц Йозеф Штраус констатировал по такому заседанию: «Но если сказано нет, то потом с этим также должно быть связано принципиальное признание Германии как целого» [3, 203]. То, что позднее принятое баварским ландтагом в отклонении этой позиции решение о протесте Баварии (отклонение Основного закона при одновременном признании его юридической обязательности также для свободного государства) едва могло найти одобрение в Баварской партии, ожидалось по предыдущей демагогии ее представителей [7, 194].

Но замешательство вызвал газетный отчет о речи министра культов Хундхаммера. Министр культов заявил, что невозможно из ситуации текущего момента выводить конституцию, которая связывала бы Баварию на столетия. В случае, если бы Основной закон в Баварии был бы отклонен – Хундхаммер имел при этом ввиду народный опрос, «или союзники могли бы разрешить ситуацию, или федерация вначале возникла бы без Баварии. Это вполне было бы возможно, так как в состав федерации пока не входят земли восточной зоны и западных сектора Берлина. Бавария не была бы вынуждена замыкаться в себе, так как экономические связи между германскими регионами уже имелись тогда, когда никто не думал о федерации». [9, 318]. Эта атака завоевывала дополнительный вес, если иметь в виду ранее предпринимавшие попытки беспартийного к этому моменту времени Шеффера и других консервативных политиков, завоевать влияние на политику через концентрацию на баварско – федералистской

политике, в особенности на рубеже 1948/49 гг. Меркль в книге «Возникновение Федеративной Республики» исходит из того, что речь Хундхаммера должна была быть лишь тактической игрой по сбитию с толку в ущерб БП [13, 70], ему по праву возражают Унгер [14, 186] и Кок [12, 186]. О том, что при этом население ни в коем случае не было так принципиально настроено против Основного закона, как это желали представить некоторые политики, но также большое число средств массовой информации, свидетельствует репрезентативный опрос, который американская военная администрация позволила провести 26 июля 1949 г.: около 25% опрошенных высказалось за Основной закон, только 8% выступило против и 66%(!) не имело мнения. Об почти ужасающем равнодушии населения к конституционно-политическим процессам свидетельствует также то, что из 1 400 опрошенных в июле полагали, что Основной закон еще обсуждают или еще будут обсуждать. 8 мая 1949 г. Основной закон был принят в Бонне 53 из 65 депутатов; нет сказали (из федералистских соображений) 6 из 8 депутатов ХСС, а также представители КПП, НП и Центра. Для вступления в силу необходимо было в большинство в 2/3 в земельных парламентах, и, кроме того, встал вопрос о том, чтобы ХСС большинством голосов, отклонил одобрение основного закона в ландтаге (10, 22). Для Эхарда было важно провести его паролем «Нет Основному закону, да - Германиии!». Он это делал не только посредством инициируемого им острого заявления MG (Military Government), он также угрожал фракции ХСС своей отставкой в случае отказа повиноваться. 13 мая еще раз последовала угроза отставки. Когда потом после 15- часовых прений в ранние утренние часы 20 мая дошло до голосования, баварский ландтаг 101 голосом против 63 (при 9 воздержавшихся) отклонил основной закон, но признал юридическую обязательность для Баварии 97 голосами «за», «против» 6 и 70 воздержавшихся. То, что было единодушно внесено в MG (военную администрацию) предложение о народном опросе об Основном законе,

носило символический характер. ВА уже перед данным ходом ХСС объявила о своем отклонении от этой идеи [2, 199].

Таким образом, в процессе разработки Основного закона ФРГ Христианско- социальный союз учитывал и последовательно отстаивал баварские интересы, предлагал федералистскую концепцию, не нашедшую поддержку в момент принятия итоговых решений. Вместе с тем был накоплен ценный опыт правотворчества, которое займет важное место в деятельности партии на региональном и федеральном уровнях после образования ФРГ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Arhiv für Christlich-Soziale Politik (далее:ACSP), Druckschrift (далее:DS)
2. Mintzel, Alf. Geschichte der CSU. Ein Überblick. Opladen, 1977.
3. Mintzel, Alf. Die CSU, Anatomie einer konservativen Partei. Opladen, 1978.
4. Ehard Hans. Freiheit und Föderalismus, München, 1947.
5. Ehard Hans. Die geistigen Grundlagen des Föderalismus. München, 1968.
6. Stelzle, Walter, Föderalismus und Eigenstaatlichkeit. München, 1980.
7. Barbara Fait. Die Anfänge der CSU 1945-1948. München, 1995.
8. Hussarek, Paul, Hundhammer. Weg des Menschen und des Staatmannes, München, 1957.
9. Schlemmer, Thomas, Aufbruch, Krise und Erneuerung. München, 1998.
10. Die politische Ordnung in Deutschland. München, 2000.
11. Франц Йозеф Штраус. Воспоминания. М., 1991.
12. Kock Peter Jakob, Bayerns Weg in die Bundesrepublik. München, 1988.
13. Merkl, Peter H., Die Entstehung der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart, 1968.
14. Unger, Ilse, Die Bayernpartei. Stuttgart, 1979.

УДК (4-014) (091)

Петровская О.В.

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БОЛГАРИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (1989-2003 ГГ.)

Анализируя ход и проблемы реформирования высшего образования Болгарии в конце XX века, следует учитывать, что переход к новой экономике и правовому государству, начавшийся в 1989 году, оказался для болгар неожиданным и резким, поскольку он не был естественным результатом борьбы с предыдущей системой. В отличие от многих других стран со схожей социально-экономической системой, социализм никогда не воспринимался основной массой населения как чуждое явление, а трансформация социально-экономической структуры началась извне – как следствие распада СССР и социалистического блока, а также инициативы Болгарской коммунистической партии. Данный фактор определил особенности переходного периода в Болгарии и отличительные черты трансформации социокультурной сферы. С другой стороны, в отличие от ряда соседних балканских стран, у болгар не было еврофобии. В 1996 году Болгария стала кандидатом в члены ЕС. Следовательно, существенной предпосылкой модернизации болгарской высшей школы по-

сле 1989 года явилась необходимость ее адаптации к европейской системе высшего образования.

Оценивая более чем десятилетний период реформирования высшей школы в Болгарии, можно заметить, что, во-первых, модернизация законодательства в области высшего образования, как правило, проводилась под давлением общественности и становилась реакцией на ее активные требования. Во-вторых, существенное влияние на формирование законодательной базы оказали политические изменения в стране, проявившиеся в ослаблении и усилении центральной власти. Дело в том, что для политической жизни Болгарии переходного периода, которая шла сепаратно от процессов экономических, характерна большая нестабильность: после 1989 года сменилось уже девять правительств. В этих условиях представляется понятным то, что, и законодотворческий процесс в сфере высшего образования оказался подвержен значительным колебаниям.

Петровская Оксана Васильевна, к.и.н., доцент каф. всеобщей истории и истории мировой культуры Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, докторант кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного университета.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.